

Введенский Д. И. Заслуги Вифанской духовной семинарии для отечественной Церкви и просвещения: [Юбилейная речь, произнесенная 26 сентября 1900 г.] // Богословский вестник 1900. Т. 3. № 10. С. 274–307 (2-я пагин.).

Заслуги Вифанской духовной семинарии для отечественной Церкви и просвещения ¹⁾.

Въ исторіи развитія личности наблюдается одинъ неизмѣнный законъ—законъ духовнаго средства, по которому всякая мысль, каждое слово, каждый порывъ сердца, такъ или иначе открыто заявленные и образующіе собою какъ-бы „живыя струи, входящія въ составъ атмосферы, обнимающей и наполняющей жизнь міра“ ²⁾, не только вызываютъ средныя себѣ дѣйствія, но и предполагаютъ для себя, въ свою очередь, рядъ условій, при которыхъ вырабатывается то или другое міровоззрѣніе. Это общее положеніе давно уже нашло свое оправданіе въ характеристикахъ биографовъ, которые, опредѣляя заслуги и выясняя значеніе того или другого общественнаго дѣятеля, всегда справляются съ тѣми условіями, при которыхъ и подъ вліяніемъ которыхъ слагалась извѣстная индивидуальность.

Правда, не всегда своевременно справляются съ тѣмъ, какъ загоралась заря жизни, какъ вырабатывался извѣстный духовно-нравственный обликъ того или другого дѣятеля, или цѣлаго ряда ихъ... Но проходитъ время и приходятъ моменты, когда какъ-бы самъ собою утверждается вышеуказанный законъ духовнаго средства, по которому, какъ мы сказали, ни одна индивидуальность не слагается сама собою безъ сторонняго вліянія, когда по безотчетному, но

¹⁾ Речь, произнесенная на торжествѣ въ Вифанской Духовной Семинаріи по случаю исполнившагося столѣтія со дня ея основанія (26 Сент. 1900 г.).

²⁾ Іоаннъ еп. Смоленскій.

выполнѣ понятному желанію заглядываютъ въ близкое и отдаленное прошлое и подводятъ итоги тому, что сдѣлала для блага общества та или другая среда, какихъ дѣятелей породила она и что полезнаго внесла черезъ нихъ въ великую сокровищницу „всемірнаго человѣка“, подъ которымъ олицетворяется иногда человѣчество въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ...

Моментъ, переживаемый Виѣанскою семинаріею, и является благоприятнымъ поводомъ къ тому, чтобы въ столѣтнюю годовину ея выяснить особенности быта и историческія условія существованія этого скромнаго рассадника просвѣщенія и показать въ связи съ этимъ, какую роль играла названная школа въ дѣлѣ подготовленія дѣятелей церкви и просвѣщенія. При этомъ общія цифровыя данныя, по которымъ за столѣтній періодъ изъ стѣнъ этой духовной школы выпущено (не считая не кончившихъ полного курса) всего 3035 человѣкъ ¹⁾, разумѣется, не могутъ имѣть для насъ существеннаго значенія, при выясненіи заслугъ Виѣанской семинаріи, потомучто эти данныя говорятъ только о томъ, что эта школа давала средства для образованія юношества, т. е., выполняла и, нужно сказать, всегда добросовѣстно общую задачу семинаріи. А между тѣмъ два исключительныя обстоятельства: *единенное и по временамъ суровое существованіе этого расадника просвѣщенія, съ одной стороны, и близость его къ Московской духовной академіи, съ другой,*— даютъ возможность разсматривать его значеніе съ точки зрѣнія именно этихъ особенностей, создавшихъ Виѣанской семинаріи, къ ея выгодѣ, и особую индивидуальность.

Не вдаваясь въ многорѣчіе, скажемъ сначала о первомъ. Известно, что *школы жизни предваряетъ и оканчиваетъ собою школу книжную.* И понятно, что наилучшею школою должна быть признана та, которая, воспитывая юношество и расширяя его умственный кругозоръ, не заслоняетъ отъ него двѣ-

¹⁾ Этотъ общій подсчетъ сдѣланъ по спискамъ, изданнымъ А. А. Бѣляевымъ, съ включеніемъ 3-хъ курсовъ (1598, 99 и 1900 г.), не внесенныхъ въ эти списки. Изъ указаннаго числа воспитанниковъ въ 1-мъ разрядѣ, со званіемъ студентовъ, кончило (начиная съ 1816 г. и включая 1900-й) 1039, изъ коихъ въ Академіи обучалось всего около 225 человѣкъ, гдѣ болѣе 60 человѣкъ получили ученые степенн магистровъ и нѣсколько человѣкъ докторовъ богословія.

ствительности, не отрываетъ его отъ тѣхъ условій, при которыхъ оно должно дѣйствовать, короче, не заслоняетъ отъ него школы жизни, въ которой оно еще должно учиться и изъ которой иногда, быть можетъ, съ малымъ запасомъ житейскаго опыта приходитъ въ книжную школу. Исторія школьнаго образованія древнихъ и новыхъ временъ уже подмѣтила, а современность приняла къ свѣдѣнью эту сторону школьнаго воспитанія, заботясь о подготовкѣ, соответствующей тому или другому роду предстоящей молодымъ силамъ дѣятельности. А при сопоставленіи условій быта семинариста—виѣанца до его поступленія въ этотъ рассадникъ просвѣщенія и по выходѣ его изъ него съ особенностями быта Виѣанской семинаріи и открывается, что эта школа очень мало пересоздавала или даже и вовсе не мѣняла знакомой съ дѣтства ея питомцу обстановки: уединенная и до 80-хъ годовъ, по временамъ, суровая школа не баловала своихъ питомцевъ.

Предваримъ нижеслѣдующіе и необходимо вытекающіе изъ этого общаго положенія выводы, сводимые въ результатъ къ уясненію заслугъ Виѣанской семинаріи и въ данномъ случаѣ преимущественно для церкви, краткими иллюстраціями, подтверждающими справедливость того, что этотъ рассадникъ просвѣщенія, воспитывая юныя поколѣнія, не отрываетъ ихъ отъ той обстановки, изъ которой они выходили и въ которую современемъ должны были опять, въ большинствѣ случаевъ, возвратиться ¹⁾.

¹⁾ Въ 1880 году на страницахъ московскихъ епархіальныхъ вѣдомостей (см. № 44, стр. 559), по вопросу объ уединенномъ существованіи Виѣанской семинаріи въ противовѣсъ тѣмъ, которые видѣли въ этомъ ея преимущество предъ городскими семинаріями, было, между прочимъ, замѣчено, что „разсужденія объ особенно-благопріятныхъ условіяхъ для воспитанія, существующихъ будто-бы въ Виѣанской семинаріи, въ родѣ удаленія отъ шума городского, намъ кажутся очень идиллическими. Опыты жизни говорятъ, что люди спасаются и въ многолюдныхъ городахъ, напротивъ и въ пустыняхъ бываютъ искушенія и грѣхопаденія“... Но это замѣчаніе не касается существа дѣла, такъ-какъ уединеніе названной семинаріи важно не само по себѣ—безотносительно, а постольку, поскольку оно не удаляетъ дѣтей бѣднаго сельскаго духовенства отъ знакомой имъ обстановки—отъ знакомой имъ сельской тишины и уединенія и поскольку заграждаетъ для нихъ преждевременный доступъ мірскаго суеты (на послѣднее неоднажды указывалось въ печати; ср. Моск. еп. вѣд. 1880 г.

Мы сказали, что школа жизни предваряет и оканчивает школу книжную. Какова-же жизнь питомцевъ, вступающихъ и вступающихъ въ эту уединенную школу?

Большинство воспитанниковъ Виванской семинарии, какъ извѣстно, дѣти сельскаго, нерѣдко обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, духовенства. А условія быта сельскаго духовенства даже и нашихъ дней, когда приложено не мало заботъ объ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія его, извѣстны: ни свѣтскія развлечения, ни блескъ городской жизни—ничто это до поры до времени не извѣстно провинціалу семинаристу. Въ біографіяхъ многихъ питомцевъ Виванской семинарии, сдѣлавшихся впоследствии извѣстными и полезными общественными дѣятелями, нерѣдко по крайней мѣрѣ отмѣчаются горькія условія ихъ домашней жизни, отмѣчаются, впрочемъ, не съ сожалѣніемъ, а почти всегда съ любовью и быть можетъ потому, что эта суровая жизнь совпадала съ порою ихъ беззаботной юности. Такъ, напр., одинъ изъ питомцевъ Виванской семинарии перваго выпуска (1807 г.) протоіерей Алексѣй Евдокимовичъ Румянцевъ, сынъ священника подмосковскаго села Щитникова, въ воспоминаніи о своемъ отцѣ рассказываетъ, какъ родитель его въ сѣромъ армякѣ и лаптяхъ хаживалъ съ требамн къ прихожанамъ, а рясу имѣлъ только одну и то не для Щитникова, а бралъ въ Москву, когда нужно было являться къ архіерею ¹⁾. Тотъ-же самый протоіерей рассказываетъ о томъ, какъ отецъ его кушилъ сапоги и какъ прихожане, узнавъ объ этомъ, пришли къ нему въ домъ и просили показать диковинную вещь ²⁾. Въ біографіи другаго питомца Виванской семинарии, впоследствии протоіеря церкви большаго Вознесенія, на Никитской, Петра Евдоловича Соколова, окончившаго курсъ въ 1820 г., рассказывается ³⁾, что до своего поступленія въ семинарію онъ помогать отцу (причетнику) въ тяжелыхъ деревенскихъ работахъ и терпѣлъ нерѣдко дома настоящій голодъ, а по вступленіи въ

№ 44, стр. 569; брош. „Торжество открытія общезнѣтія при Вив. сем. 30-го сент. 1884 г.“ Рѣчь бывшаго члена правл. Вив. сем. А. Ѳ. Некрасова, стр. 29).

¹⁾ См. брош. Протоіерей А. Е. Румянцевъ, стр. 1.

²⁾ Ibid. примѣч.

³⁾ Моск. еп. вѣд. 1883 г. № 7-й, стр. 97. Примѣч.

семинарію и по крайней мѣрѣ въ первые годы своего обученія въ ней семинаристъ Соколовъ не имѣлъ средствъ, чтобы пріобрѣсти себѣ даже приличную обувь и ходилъ въ лаптяхъ, въ которыхъ шествовалъ домою во время школьныхъ отпусковъ по снѣжнымъ сугробамъ и весеннимъ разливамъ ¹⁾. О той-же самой бѣднотѣ и скудости домашней жизни рассказываетъ извѣстный составитель проекта устава духовныхъ училищъ (при оберъ-прокурорѣ Св. Синода графѣ Протасовѣ) викарій Казанскій, впоследствии епископъ Енисейскій, Никодимъ, окончившій курсъ Виѣанской семинаріи въ 1826 г. ²⁾. Такъ, въ 1872 г. онъ, вспоминая о своемъ дѣтствѣ, описываетъ, какъ отцу его самому приходилось укачивать его — тогда младенца Николая и какъ онъ однажды, оставленный совершенно одинокимъ въ людскѣ, вставшей посреди пустой избы, было не задохнулся въ ней ³⁾. При скудости домашнихъ средствъ, Николаю Казанцеву, по окончаніи курса въ Виѣанской семинаріи, долго раздумывалъ надъ тѣмъ, какъ существовать ему въ академіи и быть можетъ онъ не увидалъ-бы ее, если бы не попался одинъ человекъ изъ „простого класса“, какъ выражается въ своихъ благодарныхъ воспоминаніяхъ еп. Никодимъ, который согласился удѣлять изъ своихъ скудныхъ средствъ на образованіе академика ⁴⁾. Изъ біографіи Платона, архіепископа костромскаго, виѣанца по среднему образованію, извѣстно, что родитель его священникъ села Чанки, что близъ Коломны, по неизмѣннѣю средства содержать въ училищѣ двухъ сыновей, хотѣлъ взять его изъ училища и опредѣлить пономаремъ въ своемъ селѣ. И только съ помощью дяди своего архимандрита Кирилла онъ имѣлъ

¹⁾ Моск. еп. вѣд. 1885 г. № 35-й, стр. 518. Петръ Евпловичъ Соколовъ былъ одинъ изъ первыхъ учениковъ, отличавшійся богатыми дарованіями и, какъ таковой, долженъ былъ по предложенію семинарскаго ректора итти въ Петербургскую академію, отъ поступленія въ которую однако онъ отказался по слабости своего здоровья.

²⁾ См. объ этомъ у *Уиетовича*. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. 1894 г. СПб., стр. 321 и далѣе.

³⁾ См. Чт. въ Импер. Общ. Исторіи и древностей росс. 1877 г. Апрель—Іюнь. Книга 2-я. О Филаретѣ митроп. Моск. моя память. *Никодима* еп. красноярскаго. Матеріалы отечеств. I—V. 1—114.

⁴⁾ См. Моск. еп. вѣд. 1875 г. № 15, стр. 138.

возможность продолжать свое образование. Въ биографіи протоіерея Платона Ивановича Аѣнскаго, окончившаго курсъ въ Виѣ. семинаріи въ 1838 г., о домѣ его родителей говорится: „домъ отъ старости покачнулся болѣе нежели хребетъ его отца и матери, согбенныхъ отъ ежедневной работы. Кровля не спасала отъ дождя, стѣны не берегли скуднаго тепла... Въ этомъ домѣ прошла половина школьной жизни этого человѣка: сюда возвращался усталый мальчикъ изъ школы и скоро при заботахъ и ласкахъ матери забывать о своей усталости. Здѣсь, въ этомъ старомъ домѣ, какъ нужно было отпускать сына и братьевъ его уже въ отдаленную школу (Виѣнскую семинарію), лились надъ головами дѣтей родительскія слезы, благословенія и благожеланія и особенно просьба о томъ, чтобы дѣти учились и вели себя хорошо. Въ этомъ старомъ и холодномъ домѣ много, много прочитано горячихъ продолжительныхъ ночныхъ молитвъ, горячихъ, какія только могутъ исходить изъ сердца матери, и все больше молитвъ за дѣтей, которыя въ это время спали спокойно, а иногда, пробуждаясь, слышали, чего мать просила у Бога“ 1)... Въ биографіи другого скромнаго дѣлателя на пивѣ Христовой, священника села Ильинскаго Звенигородскаго уѣзда, окончившаго курсъ въ Виѣ. семинаріи въ 1836 году, разсказывается о томъ, какъ отецъ его псаломщикъ за неимѣніемъ средствъ къ существованію долженъ былъ заниматься баннмачнымъ мастерствомъ 2). А объ одномъ семинариствѣ старой школы извѣстно, что бѣдность его родной семьи заставляла его въ вакаціонное время заниматься возить камень на шоссе. И этимъ онъ добывалъ себѣ средства, нужныя для его существованія и для уплаты за свое содержаніе въ семинаріи 3). Если не очень завидны были условія домашняго быта провинціала-семинариста въ кругу родной семьи, то еще незавиднѣе была доля семинаристовъ спроть, которые нерѣдко „какъ безпріютные скитальцы поспились, но выраженію покойнаго профессора Московской духовной академіи Петра Симоновича Казанскаго,

1) Моск. еп. вѣд. 1874 г. № 19, стр. 24.

2) Моск. еп. вѣд. 1886 г. № 23, стр. 349.

3) См. у А. А. *Вяльева*. Изъ исторіи старой духовной школы. Отд. оттискъ изъ Душен. чт. за 1898—99 г., стр. 18.

внѣшца по среднему образованію, испытавшаго тяжесть спротива, носилъ на ладѣ жизни, пока она не выбрасывала ихъ куда нибудь“ ¹⁾). Чтобы не утомлять синхронительнаго вниманія почтеннаго собранія, мы не будемъ приводить здѣсь повыхъ и, пужно сказать, многочисленныхъ даныхъ, обрисовывающихъ домашній бытъ питомцевъ этой школы, а, какъ на краснорѣчивое свидѣтельство недостаточности матеріальныхъ средствъ и скудости домашней обстановки ихъ, укажемъ еще на частыя сожалѣнія біографовъ (а иногда и самихъ учившихся здѣсь) о томъ, что многіе изъ почтенныхъ и извѣстныхъ церковныхъ дѣятелей, стоя на порогѣ высшаго разсудника богословскаго просвѣщенія, не входили въ него только лишь потому, что должны были протягивать руку помощи своей бѣдной семьѣ, которая съ трудомъ воспитала ихъ. Таковы, напр., упомянутый протоіерей П. Е. Соколовъ; прот. Никита Никитичъ Скворцовъ, окончившій курсъ въ 1832 г. и бывшій потомъ домашнимъ учителемъ секретаря Московской Гражданской палаты Николая Феодоровича Островскаго, у котораго, между прочимъ, онъ училъ дѣтей-извѣстнаго драматическаго писателя А. Н. Островскаго и другого сына, не менѣе извѣстнаго государственнаго дѣятеля ²⁾); упомянутый также протоіерей Іоаннуаріевской, при запасномъ дворѣ, церкви Платонъ Пвановичъ Аѣнскій (братъ прот. Кастаньскаго) извѣстный составитель руководства по Закону Божію, выдержавшаго болѣе 30 изданій ³⁾); маститый и пылъ здравствующій протоіерей Сергіевской, въ Рогожской, церкви Іоаннъ Григорьевичъ Виноградовъ, извѣстный расколовѣдъ, съ недавняго времени почетный членъ Московской академіи (оконч. курсъ въ Внѣ. семинаріи въ 1848 г.), въ которой по независящимъ отъ него обстоятельствамъ ему не суждено было учиться; протоіерей І. Модестовъ 1-й студ. выпуска 1851 г., скопчавшійся настоятелемъ Покровской, въ Голикахъ, церкви ⁴⁾ и др. Мы могли-бы довести эти прямыя и косвенныя ука-

¹⁾ Воспом. П. С. Казанскаго. Прав. Обзор. 1879 г. ч. III.

²⁾ Московское Лазаревское кладбище. Историческое изслѣдованіе священника *Остроухова*, стр. 54. 1893.

³⁾ Моск. еп. вѣд. 1874 г., № 19, стр. 223; ср. Моск. еп. вѣд. 1892 г. № 2-й, стр. 38.

⁴⁾ Моск. еп. вѣд. 1889 г. № 13, стр. 185.

занія на домашній бытъ питомцевъ Вионанской семинаріи до позднѣйшаго времени ¹⁾. Но полагаемъ, что и сказаннаго достаточно для общей характеристики той обстановки, изъ которой приходили въ эту уединенную школу ея питомцы.

Каковы-же теперь особенности быта Вионанской семинаріи?

Мы сказали, что названная школа, удаленная отъ городского шума, наиболѣе всего подходила подъ тотъ складъ жизни, который знакомъ бытъ съ дѣтства почти всѣмъ питомцамъ ея. Это и дѣйствительно такъ. Не будемъ повторять подробно того, что говорилось въ разное время о бытѣ вионанскаго семинариста ²⁾. Въ общемъ-же все высказанное о немъ сводится къ слѣдующему немпоному: удовлетворяя насущнымъ потребностямъ своихъ питомцевъ, эта школа не баловала ихъ. Еще въ 80-хъ годахъ, въ пору, впрочемъ, неблагоприятнаго существованія Вионанской семинаріи, когда она, по свидѣтельству очевидцевъ, „имѣла видъ давно заброшенной фабрики или запустѣлаго помѣщичьяго дома“ и „представляла изъ себя какъ-бы дѣтище, у котораго умерли родители и отъ котораго отказывались всѣ его родственники“ ³⁾ - и въ эту сравнительно позднюю пору обитатели ея терпѣли всякія невзгоды и особенно холодъ, такъ что въ спальняхъ по ночамъ мерзла вода, а въ классахъ невозможно было пребывать иначе, какъ вооруженному ботами и овчинкой, каковыми принадлежностями одинаково запасались какъ ученики, такъ и наставники ⁴⁾. И однако эти недостатки благодушно сносились тогдашними питомцами, съ дѣтства нерѣдко привыкавшими къ такой обстановкѣ и еще благодушнѣе вспоминаются теперь эти своеобразныя особен-

¹⁾ Объ этомъ можно читать въ біографіяхъ почившихъ и нѣкоторыхъ нынѣ здравствующихъ церковныхъ дѣятелей, которыя по временамъ помѣщались и теперь помѣщаются на страницахъ дух. журналовъ.

²⁾ См. напр., воспоминанія проф. Моск. дух. акад. Петра Симоновича *Лиланскаго*. Прав. Обзр. 1879 г. ч. III; ср. также рядъ статей о старой школѣ А. А. *Богалева*, печатавшихся въ разное время въ Душеполезномъ чтеніи.

³⁾ Моск. еп. вѣдомости. 1880 г. № 40-й, стр. 491. Долгое рѣшеніе вопроса о томъ: быть или не быть Вионанской семинаріи влекло за собою то, что она въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ совершенно не ремонтировалась.

⁴⁾ Ibid.

ности быта родной ея штомцамъ школы, которая, кстатн замѣтимъ, не смотря на свою суровость часто выпускала изъ своихъ стѣнъ рѣдкіе сравнительно теперь экземпляры мощныхъ семинаристовъ. Правда, съ 80-хъ годовъ, благодаря заботамъ и попечительности приснопамятнаго первосвященителя митрополита Иоанникія, внѣшній достатокъ ея почти сравнялся съ Московскою семинаріею; но и желанное улучшение внѣшняго быта Виѣанской семинаріи не изгладило ея *особой индивидуальности* и не приравнило ее къ городскимъ семинаріямъ: по прежнему она воспринимаетъ дѣтей сельскаго духовенства и по прежнему жизнь ея питомцевъ не смущается городскимъ шумомъ.

Не создавая, такимъ образомъ, особенныхъ условій по сравненію съ домашнимъ бытомъ своихъ штомцевъ, эта школа не отдаляла ихъ и отъ той жизненной обстановки, среди которой они должны были вращаться по выходѣ изъ нея. А эта обстановка извѣстна. „Не паркетный полъ, не салонъ великосвѣтскихъ людей, а грязная деревня да простая, въ прошломъ шерѣдко курная, изба — вотъ арена дѣятельности сельскихъ пастырей, которыхъ преимущественно поставляла Виѣанская семинарія“¹⁾. И эта обстановка не была нова внѣшнему-семинаристу, мало знакомому съ блескомъ городской жизни. Для него не страшень былъ постѣдующій напоръ случайностей и житейскихъ невзгодъ; въ немъ не было преждевременнаго разочарованія. Неизбалованный школою, подготовленный съ дѣтства ко всякой нуждѣ, онъ боролся съ нею прежде всего упорнымъ, неустаннымъ трудомъ. И гдѣ-бы судьба не поставила его—въ скромной-ли долѣ сельскаго священника, на высокой-ли чредѣ архипастырскаго служенія, въ отвѣтственномъ-ли званіи государственнаго дѣятеля, онъ добровольнымъ и настойчивымъ трудомъ пролагалъ себѣ дорогу²⁾. Многие изъ бывшихъ питомцевъ Виѣанской семинаріи оцѣнили со временемъ это преимущество ихъ родной школы: старожилы съ геройствомъ, а иногда съ благодарными слезами, каковыя излились, напримѣръ, недавно въ стѣнахъ этой школы изъ старческихъ глазъ по-

1) См. Моск. еп. вѣд. 1880 г. № 44, стр. 569.

2) Моск. еп. вѣд. 1892 г. № 3-й, стр. 52. Біограф. прот. Д. Кастальскаго.

чтеннаго, но скромнаго юбиляра, праздновавшаго здѣсь 60-ю годовину своего пастырскаго служенія, вспоминають и свой скудный столъ и плохо топленныя комнаты и иногда въ вещественныхъ пожертвованіяхъ, какъ напримѣръ, протоіереи *Стефанъ Васильевичъ Бьяляниковъ* (подарившій семинаріи фисъ-гармонію) и *Алекскій Феодоровичъ Некрасовъ* (много содѣйствовавшій украшенію семинарскаго храма) выражали свою признательность воспитавшей ихъ семинаріи; питомцы-же позднѣйшаго времени съ удовольствіемъ разсказываютъ и о свѣжести ароматнаго воздуха, о привольѣ лѣсовъ и луговъ и вообще о прелестяхъ въ избыткѣ окружающей Платоновскую школу природы ¹⁾. А болѣе впечатлительные изъ „виганцевъ“ развивали здѣсь и навсегда закрѣпляли въ себѣ любовь къ тихому уединенію и къ внутреннему самоуглубленію, которою отличались многіе изъ нихъ. Такъ вотъ, напримѣръ, съ какими размышленіями знакомитъ насъ письмо одного воспитанника этой школы В. Грозова, писанное имъ сотоварищу, поступившему тогда въ Академію, П. С. Казанскому: „нынѣ, пишетъ онъ, меня такъ сладостно олашали звуки церковныхъ пѣсеней, что они подобно чудодѣйственнымъ звукамъ Давидовыхъ гуслей, — они одни могли только утишить бурю души моеи. Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи ешь! Представь теперь, другъ мой, какъ все благопріятствуетъ моему размышленію о церкви, о ея священныхъ пѣсняхъ и молитвахъ. Было ровно двѣнадцать. Вокругъ меня глухая полночь. Такъ погаснеть жизнь моя, думаю я, смотря на этотъ блѣдный, тусклый свѣтънагорѣвшей свѣчи! Нѣтъ! — я не сплну съ нея нагорѣвшей свѣтильни, пока не оставлю своей могильной мечты... А эта глубокая, премудрая полночь! Что говоритъ она душѣ?... Она мнѣ говоритъ: не цукайся въ море суетливой жизни, оно задушитъ тебя въ своихъ ягучихъ волнахъ.... Мнѣ кажется, что чело-вѣкъ всегда видитъ въ природѣ, въ ея то мрачныхъ, то свѣтлыхъ явленіяхъ тайны христіанской религіи. Для меня тѣсно соединяются полночь и гробъ Спаситель. Сюда, сюда! въ священную тишину полночи повергаюсь я мысленно съ всеми надеждами и желаніями. Гробъ Спасителя — какой глубокой урокъ для христіанина! Инсуе! дай помнить смерть

1) Ср. Моск. Лаз. кл. Ист. изслѣд. Остроухова, стр. 53.

носить всегда въ сердцѣ Твое небесное имя“. Другія письма В. Грозова къ тому-же самому Петру Симоповичу Казанскому знакомятъ насъ съ еще большимъ самоуглубленіемъ его. „Есть, писалъ, напр., онъ по поводу постриженія въ монашество одного студента академіи, есть въ человѣкѣ такія чувства, которыя онъ ни другу, ни брату, никому не откроеть. Онъ постоянно носитъ въ душѣ своей, и по временамъ украдкой вынимаетъ ихъ оттуда по одной кашлѣ и смѣшивается съ своими слезами. И заплакать падъ этими словами. Пусть этимъ кончится моя мысль.... Припомни, другъ мой, надгробную надпись: „житейское море“ и „плачу и рыдаю“ и ты сольешься съ моимъ чувствомъ“ ¹⁾. Тою-же самую любовью къ уединенію и самоуглубленію проникнуть былъ и другъ Грозова—покойный профессоръ Московской духовной Академіи Петръ Симоновичъ Казанскій. „Мнѣ тяжело, писалъ послѣдній въ своихъ воспоминаніяхъ, бываетъ въ Москвѣ. Люблю священный кремль. Люблю при видѣ твоихъ вѣковыхъ памятниковъ, бѣлокаменная, помечтать о мицувшей судьбѣ Руси, о твоёмъ высококомъ значеніи въ прошедшемъ Россіи. Сильно бьется сердце, когда увижу твои, Москва, золотыя маковки, увѣнчанныя крестами. Люблю съ благоговѣйнымъ чувствомъ молитвы повергаться предъ твоей святыней. Но тяжело бываетъ мнѣ, когда смотрю на этотъ приливъ и отливъ парада. Всѣ мнѣ чужіе, всѣ незнакомые; ни одного тутъ теплаго ко мнѣ сердца.... Мнѣ всегда какъ-то пріятнѣе было въ маленькомъ мѣстечкѣ смотрѣть на одинокіе огоньки, въ зимнюю пору свѣтящіеся въ каждомъ маленькомъ домикѣ. Меньше огня, но теплѣе сердца живущихъ въ нихъ. Меньше дома, но покойнѣе и довольнѣе ихъ обитатели. Можетъ быть потому грустно мнѣ всегда въ Москвѣ, что много грустныхъ потерь въ ней пришлось испытать. Или потому, заключаетъ П. С. Казанскій, что моя юность прошла въ тишинѣ сельскаго уединенія“ ²⁾. О той-же самой любви къ семинаріи, къ окружающимъ её святынямъ и природѣ заявилъ въ недавнее сравнительно время въ своемъ письмѣ въ Правленіе семинаріи профессоръ Харь-

¹⁾ Восп. П. С. Казанскаго. Прав. Обзор. 1879.

²⁾ Ibid.

ковскаго университета П. В. Платоновъ. „Будучи обязанъ среднимъ образованіемъ Виѣнской семинаріи, писалъ П. В. Платоновъ, я и въ преклонныхъ лѣтахъ уже моихъ съ любовью и пожеланіемъ постоянного преуспѣянія обращаюсь мыслію къ этому просвѣтительному учрежденію припомнатнаго митрополита Платона; равно и къ самой созданной имъ обители, въ храмѣ которой я, предъ Фаворскою высотой, усердно изливалъ мою молящуюся душу. Съ любовью привѣтствую четырехбашенное зданіе, въ которомъ я провелъ золотыя годы ученія, благоговѣнно вхожу въ церковь и поклоняюсь преобразившемуся Спасителю, люблюсь горными потоками, зайчиками, нашедшими, по пророку, прибѣжище въ камени, и смотрю, сохранился-ли еще громадный мамонтовъ клыкъ, вступаю въ сумрачную пещеру Лазаря, касаюсь устами пострадавшаго отъ вѣры гроба Сергія преподобнаго и почтительно кланяюсь останкамъ іерарха, котораго недостойно пошу имя, обхожу братское кладбище и возобновляю въ памяти нѣкоторыя наивныя надписи, которыми украшены нѣкоторыя памятники... Затѣмъ цускаюсь въ окружающія рощи и привѣтствую гостепріимныя березы, подъ сѣнью которыхъ бесѣдовалъ съ природою и любезными товарищами, люблюсь, глядя на широкій прудъ и виднѣющійся посреди его островъ, до котораго въ мое время нѣкоторые смѣльчаки достигали вплавь, и, отдохнувъ, благополучно возвращались назадъ, при слухиваюсь къ шуму близъ стоящей мельницы и къ журчанію скромной Кончуры и, заглядывая въ лѣсокъ, любопытствую, существуетъ-ли тотъ шалашъ, подъ покровомъ котораго я, по назначенію митрополита, вдоховляемый нѣіемъ поэзіи, пѣлъ вѣнчаніе на царство блаженныя памяти государя императора“.... Подобныя же чувства признательности Виѣнской семинаріи выразилъ въ своемъ письмѣ, присланномъ не задолго до настоящаго торжества на имя ректора семинаріи, бывшій питомецъ названной семинаріи Александръ Васильевичъ Совѣтовъ — декабрь и профессоръ Петербургскаго университета. „Шесть лѣтъ дучшихъ дней, писалъ А. В. Совѣтовъ, моей жизни протекли въ прелестной Виѣнии, явлю покровительствуемой великимъ молитвенникомъ земли Русской, преподобнымъ Сергіемъ и незабвеннымъ создателемъ семинаріи, блаженной памяти святителемъ Платономъ. Близость къ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, соседство монастыря,

гдѣ каждодневно совершается церковная служба, наконецъ, чудная здоровая окрестность, — все это не можетъ не пастиравать¹ благоговѣнно юныя сердца питомцевъ Виѣанской семинаріи и запечатлѣвать въру въ Бога на всю жизнь. Я, по крайней мѣрѣ, считаю себя обязаннымъ моеи семинаріи не только въ духовномъ, но и въ гіиеническомъ отношеніи“.

Приведенными доселѣ общими ссылками и указапіями на частныя факты изъ быта семинариста-виѣанца и воспитавшей его школы мы старались уяснить и оправдать предпосланное уже нами общее положеніе, по которому Виѣанская семинарія, какъ наиболее всего приближающаяся особенностями своего быта къ жизненной обстановкѣ ея питомцевъ, могла и выпускать изъ своихъ стѣнъ съ достаточнымъ житейскимъ опытомъ ту святую рать, которая, по поэтическому выраженію, доляпа была идти по Руси родной, святой въры свѣтъ разнося со собой²)... Эти общія данныя, какъ видно, не противъ такого предположенія. Болѣе точныя цифровыя данныя, какъ увидимъ, вполнѣ за него.

Не однажды уже отмѣчался въ печати и поэтому не нами впервые отмѣчается тотъ фактъ, что для московской епархіи—и въ этомъ особенныя заслуги Виѣанской³) семинаріи для церкви—последняя давала въ прошломъ наибольшее количество пастырей вообще, а въ частности и въ особенности сельскихъ. Правда, по отсутствію біографическихъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ питомцахъ этой школы, мы не имѣемъ возможности дать общаго итога выходившихъ отсюда труженниковъ на нивѣ Христовой. Но за то и имѣющіеся у насъ цифровыя данныя являются краснорѣчивымъ показателемъ того, какой большой процентъ священнослужителей давалъ этотъ расадникъ просвѣщенія и въ какомъ изобиліи Господь, Владыка вертограда,

¹) Стихотв. бывшаго восп. Виѣанской семинаріи, нынѣ препод. Моск. сем., Д. М. *Минервина*. См. Моск. еп. вѣд. 1889 г. № 45, стр. 604.

²) *Гиліаровъ-Платоновъ* въ своихъ автобіографическихъ воспоминаніяхъ (изъ пережитаго, ч. 2-я, стр. 4) замѣчаетъ, что виѣанцы ютились больше тамъ гдѣ-то по селамъ и уѣзднымъ городамъ. Ср. также Моск. еп. вѣд. 1880 г. № 44, стр. 569; 1887 г. стр. 633, примѣч. Торж. откр. общез. при Виѣ. сем. Брош., стр. 29.

Вегда (одинъ) плоды въ немъ возвращать
 И для овецъ святого стада
 Онъ добрыхъ стражей посылать ¹⁾.

Такъ, намъ извѣстно, что изъ 1785 воспитанниковъ, о которыхъ у насъ имѣются точныя свѣдѣнія ²⁾, около 1350 человекъ было священнослужителями, изъ какового числа діаконами было всего только около 200 человекъ, остальные (1150) были священниками. При чемъ въ спискахъ воспитанниковъ можно указать такіе курсы, питомцы которыхъ, можно сказать, въ цѣломъ своемъ составѣ поступали въ ряды священнослужителей. Таковы, напримѣръ, курсы 1854, 1856 года и др. При этомъ нужно замѣтить, что большинство изъ священнослужителей были скромными, не всегда замѣтными дѣлателями на нивѣ Христовой, образующими собою какъ-бы отдаленныя для насъ и не всегда ясныя созвѣздія, необходимыя однако въ общей міровой гармоніи, о которыхъ говоритъ поэтъ:

Есть много мелкихъ, безымянныхъ
 Созвѣздій въ горней вышинѣ,—
 Для нашихъ слабыхъ глазъ туманныхъ
 Недостигаемы они,—
 И какъ они-бы не свѣтили,
 Не намъ о блескѣ ихъ судить.—
 Лишь телескопа дивной силѣ
 Они подвластны можетъ быть...

Но въ рядахъ этихъ скромныхъ дѣлателей всегда сіяли и доселѣ сіяютъ своею полезною дѣятельностію и болѣе крупныя созвѣздія, жизненные лучи коихъ не исчезали иногда и по прекращеніи ихъ чреды служенія на землѣ. Таковы, напримѣръ, отчасти уже упомянутые нами дѣятели, архипастыри, протоіереи и священники: протоіерей *Алексій Е. Румянцевъ*, окончившій курсъ въ 1807 г., первый, изъ Виванцевъ, ставленникъ митрополита Платона, на главу котораго первосвятитель пролилъ нескреннія слезы радости, при видѣ первыхъ, но зрѣлыхъ плодовъ его школы и послѣ рукоположенія котораго

¹⁾ Стихотв. Д. М. *Минервина*. Моск. еп. вѣд. 1889 г. № 45, стр. 603.

²⁾ Указанныя данныя извлечены нами отчасти и главнымъ образомъ изъ списковъ, изданныхъ А. А. Бѣлзевымъ въ 1898 г., частію-же изъ біографій и некрологовъ, помѣщенныхъ въ Моск. еп. вѣд. и др. дух. журналахъ.

онъ воскликнуть въ чувствѣ умиленія: „се перевенецъ изъ вертограда моего“ ¹⁾; *Михаилъ Горяиновъ*, въ монашествѣ Мелетій, окончившій курсъ въ 1809 г., сначала учитель риторики и потомъ префектъ Виѣанской семинаріи ²⁾; *Трофимъ Платоновъ*, окончившій курсъ въ 1816 г., потомъ магистръ Московской духовной академіи и послѣ настоятель Спасской, на Срѣтенкѣ, церкви († 1864); *Павелъ Платоновъ*, окончившій въ 1818 г., затѣмъ магистръ Московской дух. акад. и бакалавръ въ ней гражданской исторіи, а послѣ протоіереи церкви Вм. Никиты, въ Басманной, въ Москвѣ († 1866); *Константинъ Успенскій*, окончившій курсъ въ 1824 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, преподаватель физики въ Виѣанской семинаріи и послѣ протоіереи московской Воскресенской, въ Таганкѣ, церкви; *Николай Казанцевъ*, въ монашествѣ *Никодимъ*, окончившій курсъ въ 1826 году, затѣмъ магистръ Московской академіи, послѣ епископъ Енисейскій († 1874 г. въ Москвѣ); *Алексій Михайловъ Соловьевъ*, окончившій курсъ въ 1828 г., потомъ магистръ Московской духовной академіи и послѣ протоіереи церкви Симеона Столпника, въ Рогожской, въ Москвѣ. *Павелъ Овчинскій*, въ монашествѣ *Платонъ*, окончившій курсъ въ 1830 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, впоследствии архіепископъ Костромской, проходившій до этого времени много различныхъ должностей и управлявшій временно Петербургскою митрополіею въ званіи викарія Петербургскаго — епископа Ревельскаго; *Николай Романовскій*, въ монашествѣ *Евстафій*, окончившій курсъ въ 1830 году, затѣмъ архимандритъ Златоустинскаго и Симонова монастырей (†); *Александръ Невскій*, окончившій курсъ въ 1830 г., затѣмъ магистръ Московской духовной

¹⁾ Брош. протоіереи А. Е. Румянцевъ. При рукоположеніи во свящ. А. Е. Румянцева, митрополитъ Платонъ произнесъ слѣдующія слова: „какъ въ награду, какъ въ утѣшеніе сподобилъ меня Господь въ нынѣшній день! Онъ удостоилъ меня положить камень въ основаніе училища, и я дожилъ до радости видѣть изъ сего училища перваго дѣятеля въ виногради Христовомъ. Вотъ причина моихъ благодарныхъ слезъ къ моему Спасителю“. Ср. Моск. еп. вѣд. 1870 г., № 7-й, стр. 7).

²⁾ Эти и нижеслѣдующія данныя о воспитанникахъ Виѣанской Семинаріи заимствованы главнымъ образомъ изъ изданія А. А. Бѣляева: „Списки начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ“. 1898.

академіи, послѣ профессоръ Виванской семинаріи по кафедрѣ философіи, Московской по той-же кафедрѣ и настоятель Троицкой, въ Наблюдковской богадѣльнѣ, церкви; *Александръ Терновскій*, окончившій курсъ въ 1832 г., потомъ магистръ Московской духовной академіи, профессоръ Виванской семинаріи по кафедрѣ философіи, затѣмъ бакалавръ по кафедрѣ математики въ Московской академіи и послѣ протоіерей Казанскаго собора въ Москвѣ (†), *Егоръ Добромысловъ*, окончившій курсъ въ 1832 г., послѣ магистръ Московской духовной академіи, профессоръ Виванской семинаріи по кафедрѣ словесности и Еврейскаго языка, а затѣмъ настоятель церкви св. Фрола и Лавра въ Москвѣ (†); *Иванъ Куняевъ*, окончившій курсъ въ 1832 г., затѣмъ преподаватель Виванской семинаріи по кафедрѣ гражданской исторіи и франц. языку, послѣ настоятель Успенской, въ Печатицахъ, церкви въ Москвѣ (†); *Иванъ Бѣляевъ*, окончившій курсъ въ 1834 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи и послѣ настоятель церкви св. Николая Заяицкаго въ Москвѣ (†); *Иванъ Смирновъ*, окончившій курсъ въ 1836 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, послѣ протоіерей въ Петербургѣ (†); *Алексѣй Соколовъ*, окончившій курсъ въ 1836 г., затѣмъ кандидатъ Московской духовной академіи, послѣ протоіерей и настоятель храма Христа Спасителя въ Москвѣ († 1899); *Симеонъ Пестъловъ*, окончившій курсъ въ 1836 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, преподаватель Виванской семинаріи по кафедрѣ св. Писанія и послѣ протоіерей Сергіевской, въ Рогожской, церкви въ Москвѣ (†); *Василій Пешевъ*, окончившій курсъ въ 1836 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, послѣ настоятель Московской Рождественской, въ Столешникахъ, церкви (†); *Николай Минервинъ*, окончившій курсъ въ 1838 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, бакалавръ Казанской духовной академіи по кафедрѣ Греческаго языка, послѣ настоятель Московской Космодамианской, въ Садовникахъ, церкви (†); *Александръ Невскій*, окончившій курсъ въ 1838 г., затѣмъ кандидатъ Московской духовной академіи, послѣ преподаватель Виванской семинаріи по кафедрѣ Гражданской исторіи и протоіерей Московскаго Архангельскаго собора († 1892); *Илитонъ Лоинскій*, окончившій курсъ въ 1838 г., настоятель Іаннуаріевской, при Запасномъ дворѣ

церкви († 1874); *Стефанъ Бѣлякинъ*, окончившій курсъ въ 1838 г., нынѣ здравствующій протоіерей Московскоі Таковлевской, въ Казенной, церкви; *Стефанъ Зерновъ*, окончившій курсъ въ 1840 г., затѣмъ магистръ Московскоі духовной академіи и бакалавръ въ ней церковной исторіи, послѣ протоіерей Николо-Явленскоі, на Арбатѣ, церкви († 1885); *Алексѣй Ключаревъ*, окончившій курсъ въ 1840 г., затѣмъ магистръ Московскоі духовной академіи, потомъ преподаватель Логикѣ, Психологіи и Патристики въ Виѣанскоі духовной семинаріи, послѣ въ санѣ протоіерея состоялъ редакторомъ „Душенполезнаго чтенія“ и по принятіи монашества съ именемъ *Амвросія* былъ викаріемъ Московскимъ, а нынѣ архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, стяжавшій себѣ славу ученаго проповѣдника ¹⁾; *Дмитрій Пистальскій*, извѣстный знатокъ богослуженія православноі церкви, окончившій курсъ вмѣстѣ съ высокопреосвященнымъ Амвросіемъ въ 1840 году, затѣмъ магистръ Московскоі духовной академіи, бакалавръ патристики въ Казанскоі академіи и послѣ протоіерей Казанскаго собора въ Москвѣ († 1891); *Василій Куняевъ*, окончившій курсъ въ 1840 г., затѣмъ магистръ академіи, послѣ настоятель Успенскоі, въ Печатникахъ, церкви (†); *Гавріиль Соколовъ*, окончившій курсъ въ 1840 г. и по принятіи монашества съ именемъ Германа емотритель Звенигородскаго, Перервинскаго и Дмитровскаго духовныхъ училищъ, послѣ архимандритъ Дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря и потомъ Елужицкаго (†). *Иванъ Побѣдинскій*, окончившій курсъ въ 1842 г., затѣмъ магистръ Московскоі духовной академіи, послѣ протоіерей Власіевскоі, въ Москвѣ, церкви (†); *Симеонъ Озеровъ*, окончившій курсъ въ 1842 г., затѣмъ магистръ Московскоі духовной академіи, послѣ протоіерей Московскоі Покровскоі, въ Левшинѣ, церкви; *Михаилъ Боголюбскій*, окончившій курсъ въ 1844 г., затѣмъ магистръ Московскоі духовной академіи, послѣ протоіерей Московскоі Зачатіевскоі церкви и предѣлатель Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія; *Иванъ Волконскій*, окончившій курсъ въ 1844 г., затѣмъ магистръ Московскоі духовной академіи, послѣ протоіерей Московскоі Софійскоі, на Лубянкѣ, церкви (†); *Дмитрій Языковъ*, окончившій

¹⁾ Биографія о немъ была помѣщена въ Душен. чт. за 1898—99 г.

курсъ въ 1844 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, профессоръ Виѣанской семинаріи по кафедрѣ словесности и латинскаго языка, послѣ протоіерей Ильтинской, на Воронцовомъ полѣ, церкви; *Александръ Бриллиантовъ*, окончившій курсъ въ 1844 г., затѣмъ протоіерей единоувѣрческой церкви († 1887 г.); *Симеонъ Румянцевъ*, окончившій курсъ въ 1846 г., въ монашествѣ Савва, сначала смотритель Донскаго училища, затѣмъ казначей Иверской часовни; *Василій Богословскій*, окончившій курсъ въ 1846 г., затѣмъ кандидатъ Московской духовной академіи, послѣ протоіерей Московской Космодамиановской, въ Пѣвчей, церкви; *Николай Бѣлокуровъ*, въ монашествѣ *Никодимъ*, окончившій курсъ въ 1848 г., затѣмъ, по окончаніи курса въ Московской духовной академіи, инспекторъ Виѣанской и Московской семинаріи, а потомъ Ректоръ этихъ семинаріи, послѣ настоятель Московскаго Богоявленскаго монастыря, настоятель Александро-Невской лавры, викарій Новгородскій и епископъ Дмитровскій—викарій Московскій (†); *Иванъ Венѣминовъ*, окончившій курсъ въ 1848 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, преподаватель Виѣанской семинаріи и помощникъ Ректора по профессорской должности, послѣ протоіерей Московской Георгіевской, въ Грузинахъ, церкви; *Андрей Соловьевъ*, окончившій курсъ въ 1848 г., затѣмъ протоіерей Московской Николаевской, въ Гнѣздицахъ, церкви, послѣ настоятель Донскаго монастыря въ Москвѣ и потомъ настоятель Михайловскаго, въ городѣ Юрьевѣ-Польскомъ, Владимірской губернии, монастыря; *Иванъ Модестовъ*, окончившій курсъ въ 1850 г., затѣмъ протоіерей Московской Покровской, въ Голыхъ, церкви; *Василій Бажановъ*, окончившій курсъ въ 1850 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, въ монашествѣ *Климентъ*, преподаватель Вологодской семинаріи; *Дмитрій Делюинъ*, окончившій курсъ въ 1850 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, преподаватель Виѣанской духовной семинаріи по кафедрѣ Словесности и Лат. языка, послѣ протоіерей Московской Воскресенской, что въ Барашахъ, церкви, († 1886); *Константинъ Озеровъ*, окончившій курсъ въ 1850 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, послѣ протоіерей Московской Богоявленской, что въ Елоховѣ, церкви; *Симеонъ Владимірскій*, окончившій курсъ въ 1850 г., затѣмъ ма-

гистръ Московской духовной академіи, профессоръ Виѣанской семинаріи по кафедрѣ словесности и потомъ Московской по кафедрѣ Священнаго писанія, послѣ протоіерей Московской Смоленской, на Арбатѣ, церкви, († 1888); *Илья Косицынъ*, окончившій курсъ въ 1852 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи и преподаватель сначала Тульской семинаріи по кафедрѣ словесности и потомъ преподаватель Виѣанской семинаріи по кафедрѣ Логикѣ, Психологіи и Патристики, послѣ протоіерей Московской Успенской, на Покровкѣ, церкви (†); *Николай Оваторскій*, окончившій курсъ въ 1852 г., потомъ протоіерей при Клементьевской, въ Сергіевомъ посадѣ, церкви. *Сергій Модестовъ*, окончившій курсъ въ 1852 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, послѣ протоіерей Московской Ермолаевской, на Садовой, церкви; *Алексѣй Некрасовъ*, окончившій курсъ въ 1854 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи и профессоръ словесности въ Московской семинаріи, послѣ протоіерей Московскаго Казанскаго собора, членъ духовной консисторіи и завѣдующій свѣчнымъ енархіальнымъ заводомъ; *Александръ Лебедевъ*, окончившій курсъ 1854 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, послѣ протоіерей Казанскаго собора въ Петербургѣ и членъ Учебнаго комитета при Св. Синодѣ († 1898); *Иванъ Левитскій*, окончившій курсъ въ 1854 г., въ монашествѣ, съ именемъ Іосифа, архимандритъ и ризничій патріаршей ризницы, Высокопетровскаго монастыря и послѣ духовникъ на Афонской горѣ въ монастырѣ св. Пантелеймона; *Пароскій Репловскій*, окончившій курсъ въ 1856 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, потомъ діаконъ придворной церкви въ Штутгартѣ и послѣ доцентъ Кіевской духовной академіи († 1870); *Петръ Леонидовъ*, окончившій курсъ въ 1856 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, потомъ профессоръ сначала Калужской семинаріи по классу Гражданской Исторіи, потомъ Виѣанской по классу словесности, послѣ настоятель церкви Доргомиловскаго кладбища; *Михаилъ Певскій*, окончившій курсъ въ 1856 г., затѣмъ кандидатъ Московской духовной академіи, послѣ протоіерей Космодамиановской, въ Шубинѣ, церкви, потомъ Богородице-Рождественской, на Бутыркахъ, церкви; *Василій Рудневъ*, окончившій курсъ въ 1856 г., послѣ протоіерей Московской

Троицкой, на Шаболовкѣ, церкви; *Алекскй Воскресенскій*, окончившій курсъ въ 1854 г., затѣмъ настоятель Троицкой, въ Лужникахъ, церкви и съ недавняго времени архимандритъ Московскаго Донскаго монастыря; *Иоаннъ Березкинъ*, окончившій курсъ въ 1858 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, потомъ профессоръ сначала Тульской семинаріи по классу Церковной исторіи, а послѣ Вионанской семинаріи по классу Патристики и наконецъ преподаватель Московской семинаріи по классу Литургіи и Гомилетики, нынѣ протоіерей Московской Богоявленской, въ Елоховѣ, церкви; *Александръ Орловъ*, окончившій курсъ въ 1858 г., затѣмъ кандидатъ Московской духовной академіи, въ монашествѣ Кирилль, сначала смотритель Звенигородскаго духовнаго училища, инсекторъ Вионанской семинаріи, потомъ настоятель Московскаго Знаменскаго монастыря, послѣ епископъ Екатеринбургскій Пермскій и Ковенскій († 1890); *Димитрій Касицынъ*, окончившій курсъ въ 1860 году, затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, преподаватель Вионанской семинаріи по классу Патристики и Греческаго языка, потомъ бакалавръ въ Московской академіи по кафедрѣ Исторіи Западной церкви и профессоръ въ ней, послѣ протоіерей Московской Никольской, въ Толмачахъ, церкви и редакторъ журнала „Душенполезное чтеніе“; *Александръ Смирновъ*, окончившій курсъ въ 1860 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, послѣ протоіерей церкви 1-го Московскаго кадетскаго корпуса; *Николай Кольевъ*, окончившій курсъ въ 1862 г., затѣмъ магистръ Московской духовной академіи, потомъ преподаватель сначала Подольской и Тверской семинаріи, а послѣ Вионанской по классу Литургіи, Гомилетики и Практическому руководству для пастырей, нынѣ протоіерей Спасской, въ Наливкахъ, церкви; *Петръ Грузовъ*, окончившій курсъ въ 1863 г., затѣмъ въ санѣ діакона обучался сначала въ Московской духовной академіи, а потомъ въ Петербургской, по принятіи монашества съ именемъ Платона былъ въ Пеккинской миссіи, нынѣ епископъ Муромскій, викаріи Владимірскаго; *Иванъ Соловьевъ*, окончившій курсъ въ 1874 г., затѣмъ магистръ академіи, послѣ законоучитель Лицея Цесаревича Николая и съ недавняго времени редакторъ духовнаго журнала „Вѣра и Церковь“; *Яковъ Смирновъ*, окончившій курсъ въ 1874 г., за-

тѣмъ кандидатъ Петербургской духовной академіи, потомъ протоіерей и настоятель Посольской церкви въ Дрезденѣ: *Алексій Лебедевъ*, окончившій курсъ въ 1876 г., затѣмъ кандидатъ Московской духовной академіи, нынѣ протоіерей и ректоръ Псковской духовной семинаріи. *Симеонъ Уваровъ*, окончившій курсъ въ 1878 г., нынѣ редакторъ — издатель дух. журн. „Воскресный день“ и свящ. ц. св. Николая, что на Мясницкой. Кромѣ перечисленныхъ здѣсь нами, можно бы было указать и отмѣтить и другихъ полезныхъ дѣятелей, внѣшцевъ по среднему образованію, трудившихся и трудящихся въ скромномъ званіи пастырей церкви. Но и этотъ сравнительно краткій перечень достаточно краснорѣчиво говоритъ о заслугахъ внѣшней семинаріи, давшей въ ея прошломъ цѣлую фалангу честныхъ и просвѣщенныхъ труженниковъ на нивѣ Христовой.

И не однихъ только питомцевъ располагало тихое уединеніе Внѣшнн къ принятію многотруднаго пастырскаго званія. Исторія прошлаго Внѣшней семинаріи показываетъ, что значительное большинство изъ ея начальниковъ и наставниковъ—скромныхъ труженниковъ этого вертограда были потомъ добрыми и ревностными дѣлателями на болѣе широкой нивѣ, на нивѣ Христовой, на которую они выходили—и это всегда принимали къ свѣдѣнію Московскіе первосвятители — съ достаточнымъ запасомъ житейскаго опыта и съ привычнымъ навыкомъ выдирать въ сердца вѣру, а разумъ просвѣщать истиннымъ знаніемъ. Извѣстно по крайней мѣрѣ, что изъ числа 128 наставниковъ ¹⁾ священнослужителями въ Москвѣ было до 70 человекъ, причемъ почти всѣ они въ ряды пастырей поступали непосредственно изъ Внѣшней семинаріи. Таковы, напримѣръ, изъ нынѣ здравствующихъ: протоіерей *Василій Петровичъ Нечаевъ* вполсѣдствіи съ 1889 г. еп. Можайскій, нынѣ Костромской и Галичскій; *Константинъ Ивановичъ Богоявленскій*, протоіерей Московскаго Покровскаго собора, *Василій Михайловичъ Славскій*, протоіерей церкви св. Пимена въ Москвѣ; *Владиміръ Семеновичъ Марковъ*, протопресвитеръ Успенскаго собора; *Андрей Григорьевичъ Полотебновъ*, протоіерей Петронавловской, на Басманной, церкви; *Петръ Васильевичъ Рубинъ*, протоіерей церкви св. Адріана и Наталін;

¹⁾ Начиная съ 1814 года и не включая нынѣ преподающихъ.

Петръ Алексѣевичъ Смирновъ, протоіерей Николомоскворѣцкой, въ Москвѣ, церкви; *Иванъ Алексѣевичъ Смирновъ*, протоіерей Николо-Ямской, въ Москвѣ, церкви; *Михаилъ Ивановичъ Соболевъ*, протоіерей Московской Благовѣщенской, на Тверской, церкви; *Александръ Аркадіевичъ Доброгорскій*, протоіерей Троицкой, въ Вишнякахъ, церкви; *Николай Павловичъ Доброправовъ*, законоучитель Александровскаго военнаго училища въ Москвѣ и др. Не лишне также замѣтить, что здѣсь въ уединенной Вионаннѣ многіе изъ начальниковъ и наставниковъ ея рѣшались на принятіе ищческаго чина и, имѣемъ основанія утверждать, рѣшались не безъ вліянія той почти монашеской обстановки, среди которой приходится проводить время наставникамъ этого разсадника просвѣщенія. Такъ, извѣстно, что здѣсь въ 1804 году принялъ монашество учитель высшаго грамматическаго класса *Андрей Казинцевъ* въ монашествѣ *Евгеній*, особенно прославившійся и обезсмертившій свое имя въ санѣ архіепископа Тобольскаго¹⁾, куда онъ перешелъ по собственному желанію изъ Пскова, вслѣд-

1) Упомянутое о немъ дѣлается даже въ сокращенныхъ руководствахъ по исторіи русской церкви. См., напр., учебникъ Русской исторіи Знаменскаго. СПб. 1896 г., стр., 374. Больше подробная біографія о немъ напечатана въ Моск. еп. вѣд. По поводу перемѣщенія архіепископа Евгенія въ Тобольскъ его біографъ пишетъ слѣдующее (Моск. еп. вѣд. 1874 г. № 34, стр. 365): „всѣ перемѣщенія преосвященнаго Евгенія были совершаемы по повелѣнію высшей власти, но изъ Пскова въ Тобольскъ онъ переведенъ по собственному желанію, вслѣдствіе одного знаменательнаго видѣнія, которое безъ сомнѣнія только со временемъ будетъ слѣзлаво извѣстнымъ благочестивымъ наблюдателямъ судебъ Божіихъ“... „Ревнуя, пишетъ далѣе біографъ Евгенія протоіерей Іоаннъ Благовѣщенскій, объ обращеніи въ христіанство многочисленныхъ инопородцевъ—магометанъ и язычниковъ, обитающихъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ, преосвященный хотѣлъ лѣтъ на шесть оставить кафедру, поселиться между полудикими племенами, изучить ихъ языкъ, заняться переводомъ для нихъ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ и изъ ихъ-же соплеменниковъ воспитать имъ священнослужителей и учителей. Ему самому не суждено было исполнить это желаніе, но вотъ исполнителемъ его святыхъ намѣреній является къ нему, проникнутый духомъ алостольской ревности о обращеніи невѣрныхъ ко Христу, архимандритъ Макарій, находитъ въ немъ готоваго покровителя и помощника, и, открывъ мисіонерскую дѣятельность на Алтаѣ, становится учредителемъ первой мисіи въ нашемъ отечествѣ. Не для этой-ли цѣли Господь—сердцевѣдецъ свель на далекомъ востокѣ людей едивомысленныхъ, чтобы одинъ изъ нихъ съ помощію другого положилъ начало устроенію мисіи въ замѣнъ оли-

ствіе одного таинственнаго видѣнія и гдѣ онъ заявилъ себя одновременно и совмѣстно съ Макаріемъ Глухаревымъ самоотверженною апостольскою дѣятельностію. Архіепископъ Евгеній, какъ онъ самъ пишетъ о себѣ, „не безъ борьбы противъ искушенія поступить на свѣтскую службу, на которую тогда охотно принимали учениковъ духовныхъ школъ, рѣшивъ на принятіе иноческаго чина и принять его подъ вліяніемъ искреннихъ, а потому и дѣйственныхъ убѣждений первосвященнаго Платона, которымъ, по замѣчанію почившаго архіепископа, трудно было противостоятъ и подъ вліяніемъ того общаго духа аскетизма, который отличалъ платоновскихъ учениковъ этого разсадника просвѣщенія“ ¹⁾. Здѣсь-же принялъ монашество учитель риторикъ и исторій *Неофитъ Докучаевъ-Платоновъ* въ 1810 г., впоследствии ректоръ Виѣанской семинаріи; учитель риторикъ *Михаилъ Орловъ-Платоновъ*, впоследствии учитель вышшаго краснорѣчія въ Александро-Невской семинаріи; учитель гражданской исторіи *Леонидъ Красноштановъ* въ 1845 г., сначала флотскій лейтенантъ, затѣмъ ректоръ Виѣанской семинаріи, впоследствии епископъ Дмитровскій и архіепископъ Ярославскій; преподаватель основнаго, нравственнаго и догматическаго богословія *Іаковъ Пятницкій* въ 1886 г., сначала ректоръ Виѣанской семинаріи, потомъ епископомъ Чигиринскій, викаріи Кіевскій, пашъ еп. Кишиневскій ²⁾ и др. Такимъ образомъ и для не обучавшихся въ Виѣанской семинаріи, но служившихъ въ ней, не безслѣдно иногда было вліяніе уединенной Виѣани ³⁾.

Сказаннымъ доселѣ выполнена большая половина нашей

ночныхъ и разрозненныхъ трудовъ немногихъ избранниковъ на поприщѣ евангельской проповѣди.

¹⁾ Объ этомъ говорится въ обстоятельной и подробной біографіи архіепископа Евгенія, составленной вышеупомянутымъ (въ примѣч. I на пред. стр.) протоіереемъ *Іоанномъ Благовѣщенскимъ*, печатавшейся въ 1872. 73, 74 г. въ Моск. еп. вѣд. Ср. напримѣръ, 1874 г. № 34, стр. 364—365.

²⁾ См. списки начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ Виѣанской семинаріи.

³⁾ Считаю великимъ отмѣтить хотя въ примѣчаніи, что уединенная Виѣанія давала средства къ обученію многимъ иностранцамъ, для которыхъ уединеніе по выраженію оберъ-прокурора Св. Синода графа Толстого, „представляетъ болѣе всего благопріятныхъ способовъ къ духовно-нравственному образованію“. См. брош. „Изъ исторіи старой духовной жизни“. А. А. Вѣляева, стр. 6.

несложной задачи ⁴⁾. Этимъ кончилась-бы и вообще, быть можетъ, наша задача, еслибы еще одна благопріятная особенность Вионской семинаріи, о которой мы упомянули, не дала намъ достаточнаго повода продолжить настоящую рѣчь. Мы говоримъ въ данномъ случаѣ о топографической, а въ зависимости отъ этого и вмѣстѣ съ этимъ и объ особенной, давно подмеченной уже, духовной близости Вионской семинаріи къ Московской духовной академіи, которая въ общемъ какъ-бы замѣнила для первой великаго Платона, хранившаго и грѣвшаго, „какъ голубица подъ крылами“, своихъ „дѣтей“—питомцевъ и дружественно и любовно возвращавшаго и хранившаго „подъ кровомъ мудрости своей“ ея наставниковъ ¹⁾. Изъ исторіи прошлаго Вионской семинаріи въ ея отношеніи къ Академіи видно, что первая съ самаго основанія Москов-

⁴⁾ Въ молитвѣ, вознесенной Богу митрополитомъ Платономъ въ 1800 г. 6 Августа, при открытіи Вионской семинаріи, растроганный святитель, между прочимъ, взывалъ: „преклонивъ колѣна сердца и души, приношу благодарственную жертву Всевышнему Промыслу, и молю да низпослетъ Свое всесильное благословеніе на мѣсто сіе, Монарху-же благочестивѣйшему да даруетъ благополучіе и долготѣешее царствованіе, Его-же благость и славу вкупѣ со Августѣйшею фамиліею, да сподобится со всею Россіею благодарственно воспѣвать обитель и училище въ роды родовъ“. (Моск. еп. вѣд. 1870 г., № 7-й, стр. 7). Въ 1801 году Ноября 18-го на пріѣзженныхъ стихахъ отъ Вионской семинаріи митрополитъ Платонъ написалъ: „вотъ новонасажденный вертоградъ уже приноситъ вкусные плоды. Что если онъ безостановочно также будетъ итти впередъ? Если онъ никогда не остановится въ этомъ стремленіи, должно надѣяться, что изъ него выйдутъ добрые граждане отечества, служители святой Церкви. А я достигну того, что память о мнѣ никогда не умретъ“. Моск. еп. вѣд. 1870 г. № 9, стр. 7. Надежды митроп. Платона о преуспѣяніи Вионской семинаріи дѣйствительно оправдались, такъ что поздняѣе, когда было поднятъ вопросъ о томъ, быть или не быть Вионской семинаріи (см. Правосл. Обзоръ за 1870 г. Извѣстія и замѣтки, стр. 37—45, также Моск. еп. вѣд. 1870 г. № 4-й, стр. 6—7. Отношеніе оберъ-прокурора св. Синода къ митроп. Моск. о постройкахъ въ Вион. сем., ср. № 7-й, стр. 7), одинъ изъ свѣтскихъ доброжелателей Ведровъ, имѣя въ виду заслуги Вионской семинаріи и вѣря въ ея дальнѣйшее процвѣтаніе, горячо отстаивалъ ея существованіе и внесъ свою посильную лепту на поддержку зданія семинаріи (см. Моск. еп. вѣд. 1870 г. № 8-й, стр. 7).

¹⁾ Изъ стихотворенія, посвященнаго митрополиту Платону и приписываемаго архіепископу Евгенію Казацеву. Въ цѣломъ эта строфа читается такъ:

„Какъ голубица подъ крылами,
Ты грѣль, хранилъ своихъ дѣтей,

ской академіи въ Лаврѣ стояла въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ послѣдней и во многомъ жила ея жизнью. Такъ, извѣстно, что ректоръ Виѣанской семинаріи былъ обыкновенно и членомъ академической конференціи и учрежденнаго при академіи духовно-цензурнаго комитета; росписание проповѣдей, которое составляло академическое правленіе, простиралось и на личный составъ служащихъ въ семинаріи; ¹⁾ профессора Академіи всегда посѣщали скромныя празднества семинаріи и преподавательскій персоналъ послѣдней участвовалъ въ торжествахъ академіи. Кромѣ сего должно отмѣтить также и то, что преемники Платона на Московской святительской кафедрѣ, храня завѣты своего великаго предшественника, горяче любившаго основанную имъ школу, не оставляли ее своимъ заботливымъ вниманіемъ и попеченіемъ ²⁾ и нерѣдко вѣряли ее опытному руководству и особенной почительности просвѣщенныхъ ректоровъ Московской духовной академіи ³⁾. Здѣсь можно отмѣтить и другіе частныя факты, показывающіе, что взаимоотношеніе Виѣанской семинаріи и академіи было не простымъ, вызваннымъ чисто мѣстными условіями, хотя, конечно, и не безъ вліянія ихъ, отношеніемъ, но отношеніемъ самымъ искреннимъ и живымъ, основаннымъ на довѣріи академической корпораціи къ преподавательскому персоналу семинаріи и на уваженіи послѣдними ученаго авторитета первыхъ. Показателемъ именно такихъ отношеній можетъ служить, на примѣръ, слѣдующій фактъ. Когда въ Россіи возникло библейское общество, то Московской академіи было поручено перевести на русскій языкъ съ еврейскаго Пятюннжіе, а академія, чтобы облегчить себѣ трудъ, предложила, въ свою очередь, перевести преподавателямъ Виѣанской семинаріи книгу Пеходъ,

Ни бѣдъ ни горестей не знали
Подъ кровомъ мудрости твоей!"

Моск. еп. вѣд. 1874 г. № 51, стр. 562.

¹⁾ См. Душеп. чт. 1898 г. Высокопреосвящ. Амвросій, архіеп. Харьковскій. Проф. Моск. дух. академіи *И. И. Горюнскаго*. Ноябрь, стр. 444—445, примѣч.

²⁾ См. брош. *А. А. Бяляева*. Изъ исторіи старой дух. школы. 1899 г. стр. 2.

³⁾ Въ настоящее время она вѣрена преосвященному ректору Московской академіи епископу Арсенію.

для каковой цѣли здѣсь быть образованъ подъ предѣдательствомъ ректора комитетъ изъ преподавателей, знающихъ еврейскій, греческій, нѣмецкій и французскій языки. И корпорация Виѣанской семинаріи вполне оправдала довѣріе къ ней академическаго совѣта. Конченный переводъ книги Исходъ былъ представленъ академіи, а чрезъ академію, по пересмотрѣ его, въ комиссію духовныхъ училищъ ¹⁾. Далѣе, зная составъ преподавателей Виѣанской семинаріи при непосредственномъ обращеніи съ ними, академія перѣдко въ случаѣ нужды пополняла свою корпорацию наставниками изъ личнаго состава преподавателей этой семинаріи, такъ что служившіе здѣсь становились потомъ достойными труженниками въ разсадникѣ высшаго богословскаго просвѣщенія и здѣсь, пользуясь большими образовательными средствами и свободнымъ временемъ, много трудился на пользу образованія юношества—своими лекціями и на пользу богословскаго просвѣщенія вообще—своими печатанными трудами. Извѣстенъ случай, когда академія приглашала къ временному чтенію въ ней лекцій преподавателя Виѣанской семинаріи и другой, когда профессоръ академіи (Тяжеловъ) совмѣщала и обязанности преподавателя семинаріи²⁾. Изъ преподавателей Виѣанской семинаріи, бывшихъ потомъ наставниками Академіи, извѣстны, наиримѣръ, *Павелъ Ивановичъ Беневоленскій*, сначала профессоръ философіи въ семинаріи (съ 1829 г.), потомъ бакалавръ Академіи (съ 1830 г.) по кафедрѣ философскихъ наукъ, *Александръ Ефимовичъ Нечаевъ*, сначала профессоръ философскихъ наукъ въ семинаріи (съ 1830 г.), а потомъ (съ 1831 г.) бакалавръ Академіи по классу греческаго языка, *Александръ Ивановичъ Невоструевъ*, сначала профессоръ словесности и нѣмецкаго языка въ семинаріи (съ 1830 г.), потомъ профессоръ Академіи по классу греческаго языка (съ 1832 г.); *Андрей Ивановичъ Смѣловскій*, сначала профессоръ словесности въ семинаріи (съ 1832 г.), потомъ (съ 1833 г.) бакалавръ Московской духовной академіи по классу церковной словесности; *Василій Ивановичъ Боголюбовъ*, сначала

¹⁾ Что съ нимъ послѣдовало далѣе неизвѣстно. См. Прав. Обзор. 1870 г. 2-е полугодіе. Изъ записокъ стараго профессора семинаріи, стр. 114.

²⁾ Въ недавнее время былъ приглашенъ, напр., для временнаго чтенія лекцій въ Академіи преподав. Церковной исторіи А. А. Вѣляевъ.

преподаватель логики и соединенныхъ предметовъ въ семинаріи (съ 1859 г.), потомъ бакалавръ въ Московской академіи (съ 1861 г.) по классу Патристики; *Евгеній Осодоровичъ Срътенскій*, сначала преподаватель гражданской исторіи въ семинаріи (съ 1862 г.), потомъ (съ 1863 г.) бакалавръ Церковнаго краспорѣчія въ Московской академіи; *Дмитрій Дмитріевичъ Корольковъ*, сначала преподаватель гражданской исторіи и греческаго языка въ семинаріи (съ 1867 г.), потомъ (съ 1871 г.) доцентъ гражданской исторіи въ Московской академіи. Изъ ширѣ здравствующихъ профессоровъ Московской академіи здѣсь полагаемъ начало своимъ ученымъ занятіямъ профессора: *Николай Ивановичъ Субботинъ*, сначала преподаватель (съ 1852 г.) Церковной исторіи и Церковнаго законовѣдѣнія въ семинаріи, потомъ (съ 1855 г.) бакалавръ Московской академіи по классу Гермевтики и ученія о вѣронсповѣданіяхъ и профессоръ по исторіи раскола; *Евгеній Евстигнѣевичъ Голубинскій*, сначала преподаватель словесности (съ 1858 г.) и предметовъ въ миссіонерскомъ отдѣленіи (съ 1859 г.), потомъ бакалавръ Патристики и профессоръ Русской Церковной исторіи (съ 1861 г.) въ Московской духовной академіи; *Петръ Ивановичъ Казанскій*, сначала преподаватель гражданской исторіи въ семинаріи (съ 1866 г.), потомъ бакалавръ (съ 1867 г.) по кафедрѣ педагогики, профессоръ нравственнаго богословія и исторіи философіи въ Московской духовной академіи; *Митрофанъ Дмитріевичъ Муретовъ*, сначала преподаватель греческаго языка въ семинаріи (съ 1877 г.), потомъ профессоръ Священнаго Писанія Новаго Завѣта въ Московской академіи (съ того-же года¹). Могутъ быть указаны нами и иные факты, говорящіе за тѣсное взаимоотношенія Виѣанской семинаріи и академіи. И эти новыя факты могутъ выяснить до нѣкоторой степени и общее вліяніе Московской академіи на учащееся въ Виѣанской семинаріи.

¹) См. списки начальниковъ, паставниковъ и воспитавниковъ Виѣанской Семинаріи *А. А. Бѣляева*.—Наставники Виѣанской семинаріи приглашались къ занятію профессорскихъ кафедръ и въ другія высшія учебныя заведенія, кромѣ Московской академіи. Такъ, преп. Патристики Виѣанской семинаріи *Михаилъ Семеновичъ Холмогоровъ* поступилъ изъ нея въ Профессора Казанской академіи; препод. философіи *Михаилъ Андреевичъ Остроумовъ* поступилъ въ профессора Харьковскаго университета; преп. *Михаилъ Ивановичъ Каринскій* поступилъ въ проф. С-Петербург. академіи.

нарии юношество. Мы говоримъ въ данномъ случаѣ объ образовательномъ вліяніи Академіи.

Теперь мы живемъ въ пору изданія всевозможныхъ пособій и учебниковъ, теперь и наша богословская наука облекается въ доступную питомцамъ среднихъ учебныхъ заведеній форму. Но въ исторіи нашего школьнаго образованія и сравнительно еще не такъ давно была и иная пора, когда дѣлю обученія юношества велось по преимуществу, если не исключительно, по писаннымъ лекціямъ, которыя приходилось составлять самимъ паставникамъ. Въ этихъ-то лекціяхъ до воспитанниковъ семинаріи и доходили иногда отголоски академическихъ лекцій ¹⁾. Да и помимо того, воспитанники Виѣанской семинаріи еще на школьной скамьѣ перѣдко сами пользовались тѣми образовательными средствами, которыми располагала Академія, вступали въ сношеніе со студентами, а чрезъ нихъ знакомились съ характеромъ учено-богословскихъ лекцій ихъ профессоровъ. Гиларовъ-Платонъ, москвичъ по среднему образованію, дѣлая мимоходомъ въ своихъ, во многомъ интересныхъ, автобіографическихъ воспоминаніяхъ (изъ пережитаго) сопоставленіе Москвича-семинариста съ Виѣанцемъ, отмѣчаетъ, между прочимъ, и эту благоприятную особенность Виѣанской семинаріи, т. е., ея близость къ Московской академіи, которая не могла не класть особаго отпечатка въ особенности на семинаристовъ, долженствовавшихъ поступить со временемъ въ Академію. „Виѣанская семинарія, говоритъ упомянутый знатокъ быта семинаристовъ, имѣла славу провинціальной Виѣанецъ—низшей породы существо ²⁾.... Морщась отецъ москвичъ выдавалъ за него свою дочь; пренебрежительно поглядывали на него москвичи-сверстники. Въ сущности-же пренебрежительный взглядъ на Виѣанскую семинарію былъ предразсудкомъ.... Виѣанцы были только менѣе цивилизованы, но къ наукѣ даже ближе московскихъ. Они не бывали въ театрахъ; швей и столицы совѣтъ не видать, не умѣли ступить и сѣсть... Но близость къ Московской академіи давала особенное озареніе. Академическіе знаменитости были свои для Виѣанца; отъ лекцій академическихъ

¹⁾ Брош. „Изъ исторіи старой школы“ А. А. Бяблива, 1899 г., стр. 2.

²⁾ Изъ пережитаго. Ч. 2-я, стр. 4—5.

слышались постоянные въ Виѣнаніи отголоски“ 1)... Есть и факты, подтверждающіе справедливость сказаннаго. Такъ, объ одномъ воспитанникѣ Виѣанской семинаріи *Павль Оувейсколь*, окончившемъ курсъ въ семинаріи въ 1830 г., впоследствии архіепископъ Платонъ костромскій, извѣстно, что онъ еще семинаристомъ хаживать въ Академію и здѣсь познакомился съ студентомъ, извѣстнымъ впоследствии ученымъ и ректоромъ Академіи А. В. Горскимъ, который въ свою очередь хаживать въ семинарію и пить чай въ семинарскомъ корпусѣ. Также покойный профессоръ Московской академіи Петръ Симоновичъ Казанскій еще семинаристомъ часто бывалъ въ Академіи, у своихъ братьевъ студентовъ, былъ знакомъ съ академическимъ бытомъ и зналъ наставниковъ Академіи 2). И не безъ добраго, думается, вліянія Московской академіи эта школа въ прошломъ была малымъ питомникомъ, возрастившимъ и подготовившимъ Академіямъ около 30 человекъ наставниковъ изъ своихъ воспитанниковъ и цѣлый рядъ студентовъ, которые, по выходѣ изъ славной въ своей исторіи Московской академіи, становились въ ряды достойныхъ дѣятелей на пользу церкви и просвѣщенія. Изъ указаннаго числа наставниковъ Академіи, кромѣ упомянутыхъ нами, извѣстны слѣдующіе: *Геодоръ Алексѣевичъ Терновскій-Платоновъ*, читавшій сначала Гражданскую, а потомъ вмѣстѣ и церковную исторію съ 1820 г. († 1833), старавшійся—и едва ли не первый изъ наставниковъ академіи—поставить церковно-историческую науку на надлежащую высоту 3); *Иванъ Николаевичъ Богоявленскій*, бакалавръ по классу евр. языка съ 1827 г. (по 1833), составившій въ 1833 г. по порученію комиссіи духовныхъ училищъ достойный упоминація трудъ—еврейско-русскій словарь (по Симоніеу и Гезенію), оставшійся за болѣзнію автора неизданнымъ 4); *Александръ Пробіоновичъ Сергіевскій*, бакалавръ греческаго языка съ 1828 г. (по 1832) 5); *Петръ Симоновичъ Казанскій*, докторъ богословія, бакалавръ, а по-

1) *ibid.*

2) Ср. Прав. Обзор. 1850 г. т. 1-й, стр. 703.

3) См. Исторія Моск. Дух. Академіи *С. Смирнова* 1879 г., стр. 35, 36, 235, 329, 394, 397, 414, 622.

4) *ibid.* 114, 403.

5) *ibid.* 232, 405.

томъ профессоръ съ 1842 г. (по 1872) по кафедрѣ общей и гражданской исторіи, другъ и соревнователь незабвеннѣйшаго ректора Московской академіи Александра Васильевича Горскаго, который воспиталъ въ теченіи 30 лѣтъ 15 непосредственно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ курсовъ молодыхъ людей, руководствуясь при преподаваніи гражданской исторіи одною основною мыслію, что душою вѣднѣйшей, свѣтской исторіи является всѣтаки исторія вѣры, исторія церкви, градъ Божій¹⁾; *Иванъ Ивановичъ Пობѣдинскій Платоновъ*, сначала бакалавръ по кафедрѣ Библейской исторіи (съ 1847 г.), а потомъ (съ 1850) по кафедрѣ Патристики, которому принадлежить цѣлый рядъ статей преимущественно по Библейской исторіи, напечатанныхъ въ Православномъ Обзорѣннн и Душенолезномъ чтеннн²⁾; *Николай Ивановичъ Лебедевъ*, любимый студентъ и потомъ сослуживецъ ректора Академіи А. В. Горскаго, талантливый ученый, доцентъ по кафедрѣ Патристики (съ 1872), оставившій, впрочемъ, по смерти А. В. Горскаго ученую карьеру (1881) и до самой смерти († 1883) не имѣвшій, какъ выражается его біографъ, мѣста гдѣ главу приклонить и однако, какъ истинный христіанинъ, и при нищетѣ дѣлившійся своимъ скуднымъ гардеробомъ съ немущими³⁾. Всѣ упомянутые паставники Академіи уже оставили земное поприще, почли отъ трудовъ своихъ. Но и доселѣ въ составѣ академической корпораціи не мало достойныхъ сочленовъ ея - виванцевъ по среднему образованію. Таковы, напримѣръ, маститый профессоръ *Дмитрій Ѳедоровичъ Голубинскій*, -- достойный сынъ почтеннаго родителя Ѳедора Александровича Голубинскаго, который почти полвѣка посвятилъ изученію физико-мате-

1) См. Прав. Обзор. 1878 г., т. 1-й, стр. 500, 490, 485, 499--505. Петръ Симоновичъ, состоя профессоромъ Академіи, былъ въ то-же время членомъ цензурнаго комитета (съ 1864 г.), дѣйствительнымъ членомъ Импер. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ, членомъ-корреспондентомъ С.-Петербургскаго Археологическаго Общества и членомъ Общества Любителей Дух. Провѣщенія.

2) Ист. М. Д. Академіи С. *Смирнова*, стр. 42, 43, 137, 388, 395, 406.

3) См. Моск. еп. вѣд. 1883 г. № 33, стр. 358. Между прочимъ Н. И. Лебедевъ первый возбудилъ вопросъ о празднованн столѣтн митроц. Филарету и выработалъ программу этого торжества.

матическихъ наукъ и многостороннему приложенію своихъ обширныхъ и основательныхъ свѣдѣній въ области этихъ наукъ къ доказательству вѣковѣчныхъ истинъ христіанской религіи и ближе всего премудрости и благодати Божіей въ міроустройствѣ и міроуправленіи, какъ-бы продолжая этимъ великое дѣло своего родителя, знаменитаго профессора философіи въ той-же академіи, положившаго первый камень въ основаніе извѣстнаго труда подъ заглавіемъ: „Премудрость и благодать Божія въ судьбахъ міра и человека“¹⁾; *Павелъ Ивановичъ Горскій*, бывшій профессоръ еврейскаго языка, помѣтившій цѣлый рядъ статей въ чтеніи Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія (его магистерское соч. „Исторія Тридентскаго собора“ панеч. въ 1868 — 1869 г.), въ Душеполезномъ Чт., въ Правосл. Обзор. и Прибавл. къ Тв. св. О.; *Николай Федоровичъ Каптеревъ*, профессоръ гражданской исторіи, извѣстный въ ученomъ мѣрѣ своими трудами по разнымъ вопросамъ въ области церковной исторіи; *Алексѣй Ивановичъ Введенскій*, профессоръ философіи, писавшій рядъ статей по вопросамъ философскимъ въ различныхъ богословскихъ и свѣтскихъ журналахъ; *Сергій Ивановичъ Смирновъ*, доцентъ Русской церковной исторіи. Получали въ Виѣнской семинаріи среднее образованіе и профессора другихъ академій и университетовъ. Напримѣръ, четверо изъ нея питомцевъ (*Михаилъ Холмогоровъ*, *Николай Минервинъ*, *Дмитрій Кастальскій*, *Александръ Гренковъ*) были наставниками въ Казанской Академіи, одинъ въ Кіевской (*Нароеній Репловскій*). Изъ профессоровъ университетовъ, виѣанцевъ по среднему образованію, извѣстны проф. Харьковскаго университета по кафедрѣ Церковной Исторіи *Алѣксѣй Степановичъ Лебедевъ*, Одесскаго по кафедрѣ Богословія *Александръ Кудрявцевъ* и петербургскаго *Александръ Василевичъ Савьтовъ*, біографическіе свѣдѣнія о которомъ были помѣщены въ текущемъ году по случаю его 50-лѣтней учебной дѣятельности во многихъ періодическихъ изданіяхъ. Последній, между прочимъ, по полученіи общаго образованія въ Виѣнской семинаріи, гдѣ, кетати замѣтимъ, существо-

1) Его біографія (Проф. *И. И. Корсунскаго*) помѣщена въ Воскресномъ днѣ за 1894 г. въ №№ 41—42.

вали тогда уроки сельскаго хозяйства, поступилъ по призыванію въ Земледельческій Институтъ (Горьгорескій), послѣ имѣлъ нѣсколько казенныхъ ученыхъ командировокъ и теперь состоитъ деканомъ (съ 1888 г.) физико-математическаго факультета, почетнымъ членомъ многихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и между прочимъ комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ ¹⁾. Не мало также выходило изъ Вионской семинаріи и достойныхъ преподавателей семинаріи. Изъ числа послѣднихъ можно упомянуть извѣстнаго составителя руководства по св. Писанію Новаго Заветѣ *Дмитрія Павловича Боголюбова*, по смерти котораго въ печати долгое время раздавались скорбныя отклики на его раннюю кончину учениковъ и сотоварищей ²⁾, ученаго археолога и члена корреспондента Академіи Наукъ *Капитона Ивановича Невоструева*, начавшаго свои ученые труды еще преподавателемъ Симбирской семинаріи, извѣстнаго по описанію рукописей (совмѣстно съ ректоромъ академіи А. В. Горскимъ) Синодальной бібліотеки и незабвеннаго для Московской Академіи, которой онъ оставилъ цѣнную бібліотеку изъ 2949 книгъ ³⁾. Можно было-бы указать и иныхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ, о которыхъ нельзя сказать, что они *отъ насъ изыдони, но не быша съ нами*, еслибы краткость времени и наша задача не полагали предѣла дальнѣйшему выясненію заслугъ Вионской семинаріи ⁴⁾. И всѣ эти труженники на

1) Кромѣ того были и другіе наставники нѣкоторыхъ специальныхъ заведеній, выходившіе иногда изъ 4-го класса Вионской семинаріи, а иногда и по окончаніи ея поступавшіе въ университеты и другіе учебныя заведенія, какъ, напримѣръ, *Павелъ Васькинъ* (оконч. въ 1879 г.), доцентъ Ярославскаго Лицея; *Константинъ Воскресенскій* (оконч. въ 1860 г.), директоръ Моск. Реальнаго училища и др.

2) См. Моск. еп. вѣд. 1880 г., № 43-й.

3) См. Ист. Моск. Дх. Ак. С. *Смирнова*, стр. 295, 490—497. Не мало было изъ числа воспитанниковъ Вион. сем. преподавателями и своей семинаріи. Въ настоящее время изъ питомцевъ ея служатъ *П. И. Архангельскій*.

4) Такъ, изъ воспитанниковъ Вионской семинаріи многіе были впоследствии врачами, правителями разныхъ учреждений по различнымъ министерствамъ, цензорами (есть, напр., нынѣ цензоръ въ Москвѣ, *Сергій Соколовъ*) и др.

нивѣ просвѣщенія всегда были истинными учениками и дѣтьми по духу престопамятнаго митрополита Платона, своимъ авторитетнымъ голосомъ призывавшаго современниковъ къ усвоенію истиннаго знанія и своею нравственною личностію располагавшаго послѣдующія поколѣнія къ проведенію въ жизнь требованій христіанской морали; все они воспринимались въ этомъ скромномъ разсадникѣ просвѣщенія, гдѣ сѣялись почти первые сѣмена знанія, не столько подъ руководствомъ науки о вѣрѣ, сколько — самой вѣры и отдавали въ удивленіи свое время не столько изученію частныхъ вопросовъ, сколько глубокожизненному усвоенію христіанскихъ истинъ. И не удивительно, поэтому, если изъ этой школы перѣдко выходили такіе ученые, которые, какъ, напримѣръ, покойный профессоръ Московской Академіи, Петръ Симоновичъ Казанскій и здравствующій нынѣ профессоръ той-же Академіи Дмитрій Ѳедоровичъ Голубинскій, отдаваясь всецѣло наукѣ, являли изъ себя рѣдкіе теперь типы, которые и не въ монашествѣ жили по монашески и не удаляясь отъ міра жили такъ, что міръ не подчинялъ ихъ себѣ и конечно потому, что свою ученую мудрость они объединяли съ благочестіемъ—этою высшею премудростію и свое вѣдѣніе полагали, между прочимъ, и въ удаленіи отъ зла...

Здѣсь мы пресѣкаемъ нить нашихъ размышленій, направленныхъ къ выясненію особенностей быта Виѣнской семинаріи и ея заслугъ для церкви и просвѣщенія.

Много невзгодъ за свое прошлое пережить этотъ разсадникъ просвѣщенія, основанный волею Императора Павла¹⁾, созданный и взлелѣанный когда-то любовью первосвятителя московскаго Платона, благоуукрашенный заботами другого незабвеннаго іерарха Русской Церкви митрополита Іоаннінія и поддерживаемый попеченіемъ московскихъ іерарховъ... Однако эта школа и при своей виѣшней скорбной исторіи сумѣла создать цѣлымъ рядомъ своихъ питомцевъ, крѣпкихъ мыслию, словомъ и дѣломъ и славную исторію своего про-

1) Моск. еп. Вѣд. 1870 г. № 9-й, стр. 7. Между прочимъ учрежденіемъ удивительной Виѣнской семинаріи Императоръ Павелъ I-й желалъ будтобы выразить особое благоволеніе къ духовенству Московской епархіи, за его вѣковые труды и собраніе земли Русской.

шлага. И хоть-лось-бы вѣрить, что новое столѣтіе, начищающее собою и новый вѣкъ, дастъ изъ питомцевъ этой школы и еще новыхъ продолжателей славно начатой исторіи Вианской семинаріи. Но добрые завѣты предковъ есть, можно, поэтому, надѣяться, что потомки не забудутъ ихъ. Живые примѣры истинныхъ труженниковъ на пользу церкви и просвѣщенія имѣются, а поэтому, вѣримъ, найдутся и достойные подражатели ихъ...

Да хранитъ-же Богъ это святилище науки и да изводитъ послѣднее честныхъ и полезныхъ дѣятелей церкви и общества!

Димитрій Введенскій.
